

ВЛАДИМИР КУЛЕБА

АРТЕМА, 24

Владимир Кулеба

Артема, 24

Повесть о журналистах

*«Корреспондент
писал ложь,
но ему казалось —
он пишет правду!»*
А. П.Чехов

1. Петька Чека

Чтоб я так жил, клянусь, но, как и двадцать лет назад, беляши на нашей аллейке продавались! Не грех даже из машины выйти, посмотреть. Так и есть, та самая тетка, и сказать, что сильно постарела, — язык не повернется. Банк коммерческий из красного кирпича, иномарки на платной стоянке, киосков старых нигде не видно, — площадь, как бильярдный стол, а она контрабандой накалывает трезубой вилкой, сразу по две штуки, пар идет с кастрюли оцинкованной, я думал, теперь и нет таких, некому выпускать. И люди, снующие от метро до троллейбусной остановки с удовольствием отовариваются

беляшами горяченькими, с лучком. И ничего, что халат у тетки грязный, в жирных пятнах, не белый давно, даже не серый, как в реанимации, а как у зубного хирурга, что дергает по сто штук зубов в день, кровью и всякой дрянью изо рта закапанный. И прядь тоже, постоянно свисающая, длинная, пепельно-седая, немытая давно, когда наклоняется, едва в кастрюлю не лезет. Но что людям — голодные, бегут, некогда смотреть, на ходу перехватывают, давятся беляшами, пока горячие.

Мы тогда с Петькой Чекой не устояли, взяли по беляшику. Холодрыга жуткая, пока сюда с Артема добрались, замерзли, как цуцики. Пообедать в конторе не успели, шеф погнал снимать и делать в номер срочный материал — домостроительному комбинату где-то на самых выселках, за Борщаговкой, вручали переходное красное знамя за победу в соцсоревновании. В городскую газету я перешел совсем недавно, одно из первых самостоятельных заданий, готов был землю рыть, и в троллейбусе все выстраивал в голове контуры будущей гениальной заметки. Штампы один кондолеее другого роились в голове. Что-то вроде: «Святково прикрашений зал будинку культури. Сьогодні тут зібралися представники всіх поколінь, герої війни та праці, гвардійці трудової звитяги, щоб прийняти заслужену нагороду.

Радісний, піднесений настрій. Урочисто лунають фанфари. Святкову церемонію відкриває секретар парткому комбінату...» ну и так далее.

Петька Чекал, фотокорреспондент газети «Шлях до комунізму», которого все, конечно же, называли «Чека», подобные церемонии снимал на пленку лет двадцать подряд. Как и многие фотокоры, фотографировать он не умел, карточки выходили темные, блеклые, как из подводного царства. Когда он небрежно бросал пачку снимков ответственному секретарю, мечтавшему в молодости стать художником, с тонким и развитым вкусом, у того сразу портилось настроение на целый день. Это было чревато, так как ответсек считался вторым человеком в редакции и в отсутствии шефа, который постоянно где-то пропадал, вел всю внутриредакционную работу. Он, кроме всего прочего, размечал гонорар, и от его настроения зависело, поставит ли он на твоей статье, скажем, цифру «3» или «5». Хоть два рубля, а разница есть и существенная.

В этот день мы с Петькой не только не успели пообедать, но и пролетели с зарплатой и гонораром, их давали после двух часов, а нас погнали в двенадцать, потому что все торжественные мероприятия по решению горкома партии теперь в рабочее время проводить запрещалось — или после смены или в обед. Но скажите, какой же дурак

будет оставаться после работы, чтобы получать почетное красное знамя пусть даже за победу в соцсоревновании, что влекло за собой автоматическую премию прицепом. Все спешили домой, лишь бы быстрее закончилось, воспитательного эффекта никакого бы не получилось, вот и придумали в обед.

Петька Чека слыл одним из самых богатых людей не только в редакции, но и в Киеве. Говорили, он подпольный миллионер. На одних халтурах в детсадиках и школах сшибал за раз столько, что нам всем за год не заработать. И как у всех миллионеров, денег у Петьки с собой никогда не было, так, мелочь разве что. У меня — тем более, на полтинник в день тянул. Беляш стоил 17 копеек. «По одному или по два?» — спросил Чека. Он славился тем, что в самом сытом виде мог съесть батон, не запивая водой. Считать свои деньги мне не надо, я и так прекрасно знал, что в кармане — 50 копеек. Три монеты — две по пятнадцать, «пятнашки», которые я сегодня выручил за пустые молочные бутылки, перед этим долго их скоблил на кухне, рвал газету, совал внутрь, кефир застыл и не отмывался, но выхода у меня не было. В молочном эта стерва, заметив маленькое пятнышко, брезгливо отставляла в сторону. И не проси, и не моли. И еще — 20 коп., последние, но сегодня должна быть зарплата, так

что не страшно. «Один мне», — сказал я и дал Петьке двадцатикопеечную монету. Пусть, если не вернет три копейки сдачи, заплатит в автобусе, билет стоит пять, сэкономлю две копейки на этом жмоте. Чека добавил к моей двадцатке пятнашку и сунул мне копейку сдачи. Учитесь, пока он жив. Конечно, подмывало взять два беляша, ну что — один? Смотреть не на что. Но, во-первых, теплилась слабая надежда, что нас покормят обедом на орденоносном комбинате, чем черт не шутит, праздник ведь, и налить рюмку могут. А во-вторых, еще не известно, получим ли мы с Петькой сегодня зарплату, вернемся ли раньше, чем кассирша Зина уедет в типографию на Ленина. Мы за ней все равно рвануть не успеем, в номер надо материал сдавать. Пока напишешь, пока дождешься Петькиных карточек, чтоб текстовку за него написать, потом в полосе вычитать, проверить, — рабочий день и закончится. А вечером тоже «кусать хочется», тогда и пригодятся те тридцать копеек. На городскую булку (6 коп.) и сто граммов докторской (22 коп.) как раз хватит, а чай в общаге есть всегда и сахару немного, кажется, осталось.

Петька Чека, проработавший двадцать два года в киевской газете фотокором, снимал плохо и к тому же был безграмотным. Или, как говорил наш ответсек, «неписьменным». Я, младший литработник, сокращенно — литраб (85 рэ в месяц)

отдела промышленности, строительства и транспорта, обнаружив это, долго пребывал в растерянности, как такое могло быть?

В мои обязанности входило писать подтекстовки к снимкам на производственную тематику. Их почти всегда поручали Петьке. И почти всегда они получались у него одинаковыми. Пять ил шесть человек в рабочих халатах стоят, неловко позируя, не зная куда деть руки, возле станка, на фоне плаката с текстом типа: «Каждую рабочему часу — наивысшую отдачу!». Бригадир — в центре, со штангенциркулем в руках (или в нагрудном кармане). Штангенциркуль Чека всегда носил с собой, в сумке с фотоаппаратурой и выдавал бригадирю перед съемкой. «Эх, молодежь! — орал он так, что было слышно на весь пролет, говорить тихо Петька не умел, на одно ухо слышал плохо, поэтому всегда кричал. — Ничего не знаете! На, держи, ексель-моксель! Да выше подними, над головой, чтоб люди видели, е-пэ-рэ-сэ-тэ!» Штангенциркуль в руках рабочего означал для Чеки высший пилотаж, освоение новой техники, научной организации труда, а в целом служил тем характерным штришком, который символизировал, по его разумению, сближение умственного и физического труда. Впрочем, это я уже от себя, за него придумал или додумал, потому что Петька Чека, или Ексель-Моксель, как его

иногда называли в конторе, и слов-то таких не знал. Но богатый опыт и безошибочная интуиция подсказывали ему, что со штангенциркулем снимок будет смотреться намного солидней, соответствовать требованиям, и в газету пройдет обязательно. Самое удивительное, я заметил, такие фото и нашему ответсеку приходились по вкусу. Наверное, потому что за всю свою жизнь он так ни разу не удосужился посетить хотя бы один завод или фабрику, предпочитал прохладу кабинета, учился в художественном техникуме, работал в мастерских среди холстов, вдыхая не запах металлической стружки, а старых картин и книг. Поэтому и для ответсека штангенциркуль был, как сейчас говорят, знаковой деталью.

С Петькой Чекой в редакции старались не конфликтовать, не связываться, обходили стороной. И не только из-за вечного крика и характера сумасбродного. Не знаешь его, первый раз видишь, так и подумаешь: либо пьяный, либо круглый дурак. Но все дело в том, что Чека не пил вообще. Характер такой от природы, что ж, смириться надо, терпеть такого, какой есть. Кто его за простачка держал, жестоко потом раскаивался, Петька объегорить мог любого своей хитростью, обставлял на ровном месте — Бендеру делать нечего. Ответсек платил ему за снимок 50 копеек, чем унижал его достоинство безмерно, он не мог

стерпеть и отыгрывался на других, как мог. Например, на мне. Только пришел в редакцию, никого не знаю, тут Петька: ответсек сказал, чтобы я тебе снимки показал, а ты к обеду ему с текстовой сдал, понял-нет? Там на обороте все фамилии и профессии указаны. Так что давай, дуй, в темпе вальса, ексель-моксель!

— Чего он так кричит, — спросил я соседа по комнате Юрку Галустова по кличке Галстук, ветерана редакции и старшего в нашем отсеке. — Пьяный что ли?

— Не обращай внимания и держись от него подальше, лажануть может — ахнуть не успеешь. Все, что он тебе дает, — проверь сто раз, залетишь ни за что ни про что. Многие из-за него горели синим пламенем. Дай-ка снимочки, покажи... Э, да где-то я их видел, выходили уже может? И, кажется, не один раз. Впрочем, у него все на одно лицо, и штангенциркуль на месте...

— Как выходили? Так что же он, враг себе? А если обнаружат, что одни и те же фотки второй раз в газету, что с ним сделают?

— Так сдавать-то тебе, ты же свою подпись на «собаке» (так называли титульный лист фирменного бланка), где «цитати і факти перевірів» — там же твоя подпись будет, не его...

— Но снимки ведь его, при чем здесь я?

— Не забывай, он «старик», у него в конторе

все схвачено, оправдается, вывернется, не впервой, а ты только пришел, на тебя все и свалят, не отмоешься. А он — откупится, бутылку технического спирту из лаборатории кому надо выставит. Так что, прежде чем сдавать, все проверь хорошенько, до буковки, до запятой, каждую фамилию...

А что проверять-то? Я фотографию перевернул, на обороте рукой Петьки написано: «Лутший член лутшей бригады...» Пока разгадывал этот рекбус, меня зав. отделом вызвал, дал опус одного внештатника. «Это в номер, — предупредил, — до часу дня постарайся успеть». А тут еще общий сбор главный назначил в двенадцать двадцать, по номеру на отчетно-выборную партконференцию, всем «наряды» раздавал сорок минут. В общем, письмо-то я успел с машинки снять, а текстовку, чувствую, нет времени. Петька Чека заходит и с порога: «Ах ты, мать твою ети! Молодой, начинаешь не с того, все куришь на коридорах, а дело стоит! Ты снимки сначала давай, а потом сигареты. Дыми, хоть из задницы!» И покурить-то я вышел всего один раз, все некогда, темп сумасшедший после заводской многотиражки, где сам себе хозяин. Кажется, что там, как на курорте была жизнь.

— Ты чего на парня взелся, Чека? Ему заведующий задание дал в номер, нельзя же с

одним ртом на все обедни поспеть, не нагружай человека, — Галстук, спасибо ему, вступился.

— Пошли вы на хрен, мудозвоны! — Петька орал так, что слышали не только на нашем первом этаже, но и на улице. — Я у вас не мальчик на побегушках! Сказал ответсек — к часу, — значит должно быть готово! Это мой заработок, а вы развели здесь курилку! Вот сейчас пойду и доложу, что не выполнил! Пеняй потом на себя!

— Да не ори ты, блин! Серега, тебе долго еще? — Галстук глянул на часы.

— Да минут десять-пятнадцать.

— Ну смотри мне, молодой! — Петька так хлопнул дверью, штукатурка посыпалась.

— Надо Мильману сказать, завхозу, чтоб удержал с него за ремонт помещения, вот гадом буду, скажу, для памяти даже запишу на календарике. — Галстук сделал пометку, чтоб не забыть.

Текстовку сварганил быстро, на машинку бросил, стал на завод редукторный звонить, откуда ребята на снимке, со штангенциркулем, — не дозвонился, обед, никого нет. Когда Петька вбегает, тут как тут:

— Ну что, молодой, готово?

— Готово-готово!

— Ну что же ты сидишь, жопа приклеилась к стулу? Беги сдавай, ответсек там рвет и мечет, а он

сидит, сопли жует!

Я бегом наверх, на второй этаж. Ответсек хмуро, недовольно глянул, отвлек я его, видать, от дел государственных, цветными фломастерами гэдээровскими, — предмет всеобщей нашей зависти, — макет вчистую перерисовывал с черновика. Послезавтрашний номер. А тут тебя, оболдуя, несет. Мешаешь человеку работать.

— Что у тебя?

— Да вот, принес...

— Что это? — смотрит печально, жалостливо, как на больного или полудурка какого.

— Текстовка и снимок Чекала...

— Откуда он у тебя?

— Он принес, сказал, что вы сказали.

— Оставь. Ну-ну... — и взгляд печальный, как на опадающую листву поздней осенью.

Обстановочка в этом гадюшнике, доложу вам, та еще. На заводе таких унижений не испытывал, в армии ничего подобного не было. Козлы, блин!

Если в газете случается какой-нибудь «ляп», ошибка то есть, все узнают об этом сразу. Кроме автора «произведения». Человек, по вине которого этот ляп и случился, узнает о нем последним. Когда на следующий день я пришел в редакцию, аккуратно к двенадцати ноль-ноль, то есть, к самому началу рабочего дня, там, к моему удивлению, толпилось много народа. По тому, как почтенно приветствовал

меня наш вахтер и расступились курившие в коридоре, дружно вдруг замолчав и потушив сигареты, можно было догадаться: что-то случилось. По своим молодости и неопытности я, конечно, ничего не понял. Когда же в примыкавшей к нашему отсеку кабинете заведующей отделом писем Инге Митрофановны Онищук грозно с короткими перерывами зазвучал «матюгальник» — редакторский прямой телефон-селектор, и она, выйдя в дверь, вся вдруг покрывшаяся лиловыми пятнами молча указала мне пальцем вверх, что означало: «К шефу!», — наконец, и до меня дошло: что-то случилось, по мою душу звонят.

Галстук, которого встретил в коридоре, показал мне жест, который в детстве означал немедленную смерть, «хара-кири» или «секир-башка».

— Я же говорил тебе, проверь все за этим гадом, до последней цифирьки, до запятой!

И здесь бы мне не торопиться, выпросить у Галстука поподробнее, зайти к заведующему посоветоваться, а уже после идти на самый верх, к шефу на Голгофу. А я, ничего еще не разобрав, как молодой козлик, поскакал на живодерню, раздувая ноздри, не соображая, пьянея от ощущения своей значительности. Вот ведь удостоился, на ковер вызывают, почетно...

В огромном кабинете шефа, за приставным

столиком — ответсек и заведующий отделом. Сам шеф — ходит взад-вперед, руки не подает, сразу срывается на крик:

— Ты что, в газете первый день работаешь? Выгоню на улицу завтра же, еще прослежу, чтоб нигде не брали! И из Киева выпишу! Мыслимое дело, весь город смеется, покойников публикуют. В «Вечерке» праздник, все пьяные уже с утра, конкуренты такой ляп допустили! И это накануне подписной кампании! Да кто теперь подпишется на газету, если мы такую ахиною печатаем! Кто, скажи мне! Тебя что, не учили, что надо все проверять, перед тем, как сдаешь, в газету ставишь? Что теперь делать, как выходить из положения? Опровержение на завтра печатать: извините, мол, напечатали фотоснимок, на нем два покойника?!

Так вон оно что... На Петькиной карточке жмуры, древняя такая фотка оказалась, лет десять ей, правильно Галстук тогда сказал: где-то видел уже, выходила и не раз. «Лутший член лутшей бригады...» Ах ты ж блядь! Специально подсунул, чтоб полтинник свой закосить, жлобина несчастная, думал, не заметит никто. А с завода-то сразу и позвонили в контору. Секретарь парткома — шефу: как же так, Илья Иванович, на фотографии, что на первой странице сегодня, все уже не работают, на пенсии, а вы пишете «примножують трудову славу підприємства», а бригадир и тот, что слева

крайний, — уже покойники, царство им небесное. Как же так, еще и рубрика: «Партії вірні бійці», а, Илья Иванович? Родственники звонят, в горьком партии жаловаться, говорят, пойдут, в цека напишут...

— Сергей, скажите, — ответсек тихо так, спокойно, как с больным, на контрасте, падло, работает, — а как вообще этот снимок у вас оказался?

На «вы», сука, а пошло оно все на фиг!

— Мне его Петр Чекал принес, сказал: вы передали, в номер будете ставить, чтобы я быстро текстовку написал...

Переглядываются. Молчат. Заведующий мой:

— Илья Иванович, можно мы с Сережей пойдём, в отделе обсудим, чтоб не повторилось такое, потом вам доложу.

— Идите. Готовьте объяснительную. Считаю, строгащ обеспечен. С последним предупреждением. Подумаем, как деньгами наказать. Еще раз — выгону без разговору.

В кабинете заведующего:

— Значит так. Без меня ни одного материала никому не сдавать. Заданий ни от одного человека не принимать. Даже от ответсека. Только через заведующего. Поручает что-то, пусть меня поставит в известность. Сейчас позвоню на редукторный, извинимся, ты завтра с утра прямо туда, интервью с

секретарем парткома, строк 300, об ударной работе, они за качество хорошо борются, фамилий побольше рядовых тружеников возьми. Только потом обязательно ему покажи перед публикацией, чтоб все точно, второй раз не лопухнуться. В конторе не высовывайся, старайся не объяснять, как все случилось. С Петькой отношений не выясняй, врага на всю жизнь наживешь. Пусть начальство с ним разбирается. Ты же знаешь, он когда-то шофером работал, возил одного пурица, тот сейчас секретарь цэка, покрывает этого пидара...

Вот, блин, влип! Чека после того заходил: мол, старая фотография случайно в пачке оказалась, затесалась, сам не знаю, как, ну и ты тоже, молодой еще, проверить надо было, на заводик звякнуть, вот и выяснилось бы все. А я что? Молчу, как заведующий велел. Приказ вон по редакции вывесили — мне строгий выговор, а с Петьки Чеки только гонорар сняли. Пятьдесят копеек. Жлоб недорезанный, сколько из-за этого полтинника людей пострадало, не я ведь один, а и на заводе, и в конторе, и заведующий, и ответсек, — хорошо, ребята виду не подают, отношение ко мне, как и раньше, доброжелательное, но знаете, чувствую, отложилось где-то, потом скажется, аукнется...

В конторе говорили: нет задания, чтобы Чека не выполнил, нет бабы, чтобы не трахнул... И все — правда. Что касается заданий, это каждому

известно. Из поколения в поколение передаются байки, как Петька, например, еще в старой «Вечерке», на Свердловца, спустился вниз на Крещатик заснять одного гвардии полковника во время военного парада и демонстрации — срочное задание шефа. Все фотокоры давно на «на точках» стояли, с пропусками, а Чека в редакции дежурил. Когда техника прошла, кто-то из цеховских начальников знакомого увидел, обнялись, по сто граммов, наверное, дернули. Тогда и созрела мысль: сфотографироваться на память. Позвонили безотказному нашему шефу: «Илья Иванович, пришли человека с фотоаппаратом». А кого он пришлет, если все «на точках», один Петя — дежурит по конторе. «Давай, — говорит шеф, — спускайся на Крещатик, там твой родственник с одним полковником, так ты их щелкни, а потом и полковника, одного, мы его в газету дадим». Тонкий политик наш шеф, за что и держат столько лет редактором.

Ну, Чека по Крещатику бежит, к трибуне пробивается. А тут майор один: стой, куда идешь? Пропуск! А Петя ему сначала вежливо так: «Да фотокор я, из «Вечерки», Чекал моя фамилия, редактор послал тут одного полковника снять». — «Стоп-стоп, куда без пропуска!» — «Да тебе ж говорят, дубина стоеросовая, редактор послал! Ты что руки крутишь, больной что ли?» А тот ни в

какую, наряд при нем, выхватили удостоверение, «Вечерка» тогда в Киеве высоко котировалась, но пускать — не пускают. Петя, сперва довольно вежливо, пригласил пройти в редакцию. Майор замешкался, потом сдуру согласился. Да еще и наряд с собой не взял. Подходят они к редакции, Чека его в охапку, тот орет, но Петька ему в дыню вставил, майор быстро осмирел. Заносит на плечах в кабинет к шефу, о пол как шмякнет:

— Вот, Илья Иванович! Этот мудозвон не дал выполнить ваше задание, не пускал к трибуне правительственной, придурок, — и ногой его, под дых, по яйцам, — тот орет, за кобуру хватается. — Петька ему в голову фотоаппаратом как заряд, хоть и в чехле, бьет что надо, — мент — в обморок. Чека хотел, чтоб он ему и за фотоаппарат возместил.

— Скотина такая, добивайте его, Илья Иванович, дайте я лучше, карандашом этим, да по башке твоей дурной.

Майора потом каплями отпаивали, «скорую» вызвали, голову перевязали.

Позвонил цековский бонз:

— Илья Иванович! Ну где ж твои хлопцы?

Поехал как-то Петя в Институт коллоидной химии, снимать в газету. Что-то ему не понравилось, чем-то он не приглянулся. Так он зама по режиму вырубил. Звонит мне в редакцию:

— Серега! Я из института холодной химии!

Да здесь, на Левом берегу. Даю трубку директору! Да они вообще оборзели! Я им говорю: мне Илья Иванович поручил, Серега текстовку писать должен, снимки в новогодний номер, горком партии распорядился! Не пускают, мудаки! Скажи этому пидару, что это ему не игрушки...

...Я свой беляш сразу съел, плохо прожевывая, запихивая в рот горячую, едва застывшую ливерообразную массу, как в мясорубку, глотая липкое клейкое тесто, подставляя руку, чтоб не уронить на снег какой-нибудь кусочек, заглатывая на ходу то, что отрывалось. Я всегда так ем, глотая, почти не прожевывая, — то ли от вечного голода, то ли от нехватки трех зубов. Зубы у меня вообще в ужасном состоянии, но полечить и вставить недостающие все времени нет. Это я так себя обманываю, на самом деле страшно боюсь зубного кабинета, а когда включают бормашину, теряю сознание. Все еще в школе началось, с тех пор от стоматолога «бегаю». И удачно — ни в институте, ни в армии, ни на заводе пока не смогли меня заставить зубы полечить. А Петька Чека ел не спеша, как бы нехотя, не обращая внимания на падающие крошки и кусочки, отвлекался на девушек по сторонам, забывая об остывающем беляше. Так едят сытые люди, не голодные во всяком случае, не считающие каждую копейку,

которые могут себе позволить хоть по пять беляшей в день.

Неужели эта жлобина и в автобусе будет хрумкать, луком вонять? Терпеть не могу, когда кто-то в транспорте щелкает семечки, ест мороженое, уж тем более — беляш, который так пахнет всеми своими пряными прелестями, что дышать нечем. Высшая степень жлобства. Впрочем, Петьке сего не дано понять. Здоровый амбал, именно не накачанный, от природы крепыш, он плечом поддел двух старшеклассников и не думавших подниматься выше, в автобус, комфортно устроившись на ступеньках внутри салона, подпирая задние двери. «Ну что, молодежь, подростки! — закричал Чека, буквально втаскивая их в салон, обдавая остальных острым беляшным запахом, вытирая при этом жирные короткие пальцы о подол куртки, — что стоите, как сонные тетери, вперед проходите, людям тоже ехать надо! Да побыстрее, что вы мнетесь! Выходить надо? Так выходите, а то садятся на одну остановку! Я в ваши годы в школу из села за двадцать километров пешком ходил по морозцу. Вот так. А они в тепле попривыкали...»

Я долго буду помнить ту поездку с Петькой Чекой, автобус с оледеневшими за ночь стеклами, так что и в окно не посмотришь, не отвернешься, будь любезен, выслушивай весь этот бред.

— Я вас очень прошу, не мотайте своим беляшом во все стороны, жирные пятна потом останутся.

— Ах ты ж интеллигент вшивый! Пятен он боится! В такси ездил бы, тогда и пятен не было. За собой смотри, а то я тебе такое пятно поставлю, всю жизнь на лекарства работать будешь. Что-что? Да нет, бабуля, не выходим, мы только что зашли. Правда, Серега? Серега! Ты чего отвернулся, там тебя не прижали? Посторонись ты, фифочка, товарища моего задушишь. Ты лучше бы ко мне липла, кошечка. Кис-кис-кис-кис! Серега, ты понял, какие барышни в нашем автобусе. Ты чего отворачиваешься, говорю!

И все это он кричит так, что не слышно, как водитель объявляет остановку.

— Молодой человек, нельзя ли потише, какая следующая остановка? Водитель, объявите остановку!

— Какая следующая, Серега, не скажешь? Гражданка интересуется! Вы что же, первый раз здесь?

— Первый — не первый, какая разница, не кричите так, прошу вас.

— Вот эксель-моксель! Хочу ж помочь тебе, старая ты черепица, а она: не кричите! Да кто, спрашиваю, кричит?! Совесть иметь надо!

Полный атас. Хоть из автобуса выходи. И

угораздило ж меня!

— Серега, Серега! Вон два места в конце ослобонилось, идем сядем, нам далеко ехать, в самый конец. Батяня, вы проходите? Дайте мы с другом сядем, вам спокойнее же будет.

Ну, слава Богу, сели, может заткнется хоть теперь немного. Ага, не с мой счастьем.

— Серега, ты смотрел вчера по телеку, этому маразматику старому, генсеку, вручили орден Перу! Дожили — где этот козел-бровеносец, а где Перу! Ха-ха!

— Да не ори ты, блин, на весь автобус, заметут!

Действительно, на нас стали оглядываться. Кто с интересом, кто с опаской, кто — изучающе: что за кадр такой, Брежнева вслух костерит.

— Ты чего мне рот затыкаешь, не бзди, ничего не будет за этого козла вонючего!

Это уж слишком. В автобусе — тишина установилась, все толкаться перестали, кто сидит, кто стоит, но молча, в нашу сторону стараются не смотреть. А этот придурок орет, как резанный, на весь автобус:

— Мало ему побрякушек на грудь навесили, скоро уже на жопу начнут цеплять. Так еще Золотое Солнце Перу, трам-татам-татам! За дружбу советского и перуанского народов, ети его в корень мать! Позорит страну, а говорит как, ты слышал?

Сергея, ты чего молчишь все время? Бздишь ты, что ли?

— Да слышал, слышал. Говори только тише, оглядываются все, сексотов вокруг полно.

— А я их знаешь куда имел твоих сексотов? Пусть жопу лижут своему козлу старому! Страну на весь мир обсирают!

Тут, благодарение Богу, вошла симпатичная девушка, стряхивая снег с шапочки, сдувая с челки. Политика была второй слабостью Петьки. Первой — бабы.

— Девушка, девушка!

Та в недоумении обернулась: кто это кричит на весь автобус?

— Девушка, к нам идите! Место есть, товарищи вот немного сдвинутся, что ж стоять на проходе, вас все толкать будут, а тут тепленько, печка греет. Проходите-проходите! Как, места нет? Некуда двигаться? Не беда, вон кореш мой, Серега, работаем вместе, место вам уступит. Он у нас молодой еще, постоит, тем более, под интеллигента канает. Правда, Серега, уступишь?

— Садитесь, пожалуйста.

— Ну вот, что я вам говорил? Удобно вам? Как вас зовут? Да вы не стесняйтесь, мы не какие-нибудь прохвосты с улицы, в газете работаем, «Шлях до комунізму», знаете?

— Кто ж не знает...

— Вот, значит, это — Серега наш, Христенко, сокращенно — Христос, журналист, заметки пишет, подпись в газете не встречали случайно? А я — Петр Чекал, фотокорреспондент, мои снимки в каждом номере...

Законченный идиот. Патентованный дурак. Нет, видали шизика? Весь автобус обернулся, как на выставке, на нас уставился. Вот какие придурки, оказывается, в газете столичной работают, как о генеральном секретаре, председателе президиума Верховного Совета товарище Брежнев Леониде Ильиче отзываются, а он, между прочим, награжден вчера высшей наградой перуанского государства. Скорее бы выйти отсюда, точно, заметут...

— А вас как? Лена? Леночка, — прекрасно, вот и познакомились. Вы куда едете, Леночка? На работу? А где работаете? На домостроительном? Так и мы туда же! Вот, выполняем редакционное задание, там в обеденный перерыв будут знамя вручать, не слышали? А мы с Серегой репортаж в номер даем. Ну ничего, завтра увидите в газете. А где вы там, кстати, работаете? В детском садике... Воспитателем? Поварихой. Ага. А снимки вам не нужны — утренника новогоднего или всех детей, каждого могу снять, всех воспитателей. Я и на черно-белую, и на цветную могу.

— Не знаю, это у нашей директрисы спросить надо...

— Так в чем дело? Спросите. А я вам позвоню. Я, кстати, если оптом делаю — альбомами, — беру намного дешевле. Если оптом, много снимков. А так — по установленным расценкам. Можно ваш телефончик, Леночка? Серега, ручка есть? У него есть, он у нас писатель. Записывай, я потом заберу у тебя. Это рабочий? А домашний? В общежитии живете? Ну тогда не надо. Я завтра позвоню, договоримся. Вы никогда в фотолаборатории не были? Я вас приглашаю, вам обязательно надо побывать, такая красота, романтика...

Да, уж ты настоящий романтик, блин. Бабы у тебя в лаборатории разве что не ночуют. Со всего города съезжаются. Как мухи на мед, точно. Ну, скажите, есть в жизни справедливость? Тут этих баб по крупницам собираешь, столько усилий тратишь, времени, вечно с ними облом, одни неудачи, если и получится что-нибудь, потом не отвяжешься. Сцены, объяснения, аборт, подлецом себя чувствуешь, куда ни кинь. И снова остаешься один, и опять все по новой... Не только я ведь, почти все вокруг. Взять нашу комнату — Володька Стогниенко, Стон, человек женатый, двое детей, налево и охота сходить, да не выходит, дома одни скандалы. Сережка Кантимиров — Контини, — вечно мучается, в разводе, дочка без отца подрастает, по телкам разным побирается. Как пойдем втроем баб

снимать, никогда ничего путного не получится. Галстук вон тоже развелся, в общаге ктилповской живет, и в комнате три бабы, так он их по очереди...

И ребята видные из себя, уж с этим Петькой вонючим и грязным не сравнить, — и умные, хорошо сложены, и поговорить могут. И надо же, — пустышки вытаскивают, а Петьке — все единицы. Если бы сам не видел, ни за что не поверил. Вот и сейчас, в автобусе. Пока я только собирался, прикидывал, что можно этой даме такого заумного выдать, он уже телефон добыл. И самое интересное, бьюсь об заклад, придет она к нему в фотолабораторию, гадом буду! Да что там, мы не слепые, каждый день ведь ходят, и не по одной в день принимает, по две, а то и по три. А какие телки, доложу вам! Не из последних, далеко не из последних! Нам же все видно, комната на первом этаже, три окна огромных на Артема выходят, как в телевизоре, все, кто проходит мимо дома, будто на экране. Недаром, комната так и называется: телевизор.

Увидите барышню наряженную, накрашенную, с прической иногда, в наши окна таращится, номер дома ищет, Артема, 24, — это точно к Петьке. И обязательно к нам в дверь ломится:

— Прошу прощения, — медовым

голоском, — а Петр Степановича где найти можно?

Какие фемины ходят к этому жлобу, в вечно засаленной рубашке с вытертыми воротниками и залоснившимися манжетами, галстук в пятнах, костюм один и тот же всю жизнь, мятый, как из бетономешалки вышел, туфли нечищенные сроду-веку, стоптанные на задниках от косолапой походки. А барышни с маникюром, в шубах и дубленках, жены наших прославленных футболистов, хоккеистов «Сокола», средний руководящий состав, профсоюзные дамы, начальницы цехов с ДШК и «Химволокна». Да нам и не снился такой контингент. Впрочем, Петька Чека особо не перебирает и не брезгует, охотно принимая у себя на топчане и библиотекарьш, и поварих, и завуча, и девочек, что на раздаче в соседней диетической столовке на углу, и в то же время — страшно сказать, — секретаря по идеологии одного из райкомов партии.

В его-то пятьдесят пять лет. Почти вдвое старше меня. Но, как любил говорить, станок не отключается ни на один день, все проходили через его фотолабораторию. Здесь, при кварцевом полусвете и журчаньи проточной воды, на тесном, если лежать рядом, деревянном топчане, каких полно на любом пляже, покрытом поролоном, а сверху застеленным казенной марлей, Петя Чека имел их всех, как врагов народа, давал то, в чем так

нуждались его посетительницы.

Визит одинокой дамы в фотолабораторию Чеки, как я теперь понимаю, был сродни походу к стоматологу. Процедура, пусть и неприятная, но обязательная. Сначала выпивалась рюмка-другая коньяку под обязательную конфетку (сам Петя не пил ни грамма ни под каким видом). Пока дама раздевалась, он в темпе убирал со стола, мыл рюмки, наводил марафет, чтобы потом не тратить время.

Конечно, свечи никто не держал, но однажды Петька мне раскололся, и не где-нибудь, а за столом в библиотеке, где мы всей редакцией встречали 23 февраля — день советской армии. Точно, это был мужской день, и к Петьке, пока мы сбрасывались, покупали продукты, накрывали столы, уже до обеда пришло двое. Не вместе, конечно, он этого не признавал. И он, сидя напротив меня за обеденным столом, на приставной доске, чокаясь кока-колой, орал на весь стол:

— Серега, ты видел? Две бабы с утра приходило, двоих уже трахнул! И еще одна сейчас должна явиться. Сил моих нет, это они поздравляют так меня, себя в подарки. Умора, за это еще и подарки, ты понял? Так я их каждую по сорок минут пилил. Отодрал, как положено, подарки отработал. Проверенные кадры, так что я без гандона!

— Но как же ты смог, за такой короткий промежуток времени?

— Не говори, сам удивляюсь. Последнюю уже отходил, минут сорок, а кончить не могу. Уж так ее петрушил, переворачивал — не могу и все. Она уже: «Хватит, Петя, достаточно, я уже три раза...» Я, не поверишь, уже вынимать хотел, а она как подседа, стенками сжала, ноги соединила, я и кончил. Фу... Устал, как цуцик.

— Но как же ты можешь так долго? Да еще двоих сразу, считай за четыре часа?

— Сам не пойму! И небольшой, вроде, приборчик, а стоит в рабочем состоянии долго, это им, падлам, и надо, чтобы подольше, они ведь попозже кончают, чем мы. И такой, как у меня, чтоб ты знал, намного лучше, чем большой, длинный, тот внутри у них все разрывает. Мне они все так говорят...

— И где ты только этих баб находишь?

— Во-первых, я без них уже не могу, чтоб, ну хотя бы, двух в день, не обойдусь без этого, привык, будто чего-то не хватает, уснуть ночью нельзя. Так что приходится снимать, приглашать, да оно и полезно, омоложение организма происходит, если молоденькая, свеженькая, юная попадается. А потом — они сами меня находят. Чего смеешься? Не веришь? Вот глупый какой! Зеленый ты, Серега! Они мне сами рассказывают.

Звонят и говорят: Петр Степаныч, мне ваш телефон дала такая-то. Вы ее помните? Рекомендовала вас как хорошего человека. Ну и все такое, понял? Ну я ее сразу и зову к себе, приезжайте, познакомимся, вы же в фотолаборатории не были, нет? Мы сначала снимаем, а потом фотографируем.

— И что, все едут?

— Эх, молодежь! Ну а куда им деваться? Чего бы она звонила, если не хочется?

Все в конторе об этом знают. Я лично тащусь. Шеф старается делать вид, что ничего не замечает. Ответсек, по-моему, завидует и досаждаёт Петьке, как может, полтинники не размечает. А для Чека это смертельная обида, он поведен на деньгах. Ответственный мне говорил: у него в кубышке дома миллион рублей. А он в протертых костюмах ходит и в рваных туфлях. Ответсек его за глаза так и называет: миллионер обосцанный. Мой заведующий, тот постарше, седой весь, как лунь, бабник, говорят, был известный, Петьку все время подзуживает: «Ну сколько сегодня? А с начала месяца? А за год? Около трех литров, получается, спермы твой организм вырабатывает. Надо бы в книгу Гиннеса послать, на рекорд. 80 тысяч баксов получишь». Тоже завидует.

— Ты чего, думаешь, заведующий твой бесится? — спрашивает Петька. — Сам уже ничего не может. Только пальцем да языком. Отслужила

его фишка, в запас ушла. Хотя, можно сказать, ровесники, он на три года всего и старше...

Автобус, объехав клумбу, остановился у проходной домостроительного комбината, хватит дурака валять, теперь надо сконцентрироваться, набрать побольше материала, чтобы в редакции написать репортаж в номер. Петька умолк, стал возиться со своим кофром. Фотокорам тяжелее, они всецело зависят от техники и всяких второстепенных вещей типа освещения, интерьера помещения и еще многого другого. Мы, пишущие, зависим только от своей головы и сноровки. Чека, порывшись в кофре, достал оттуда целлофановый кулек, из которого выглядывал бутерброд с батоном, маслом и сухой колбасой, довольно увесистый и два, должно быть, сваренных вкрутую яйца. «Смотри, жена положила утром, еще и предупредила, а я забыл в спешке!» Вот жлободром, могли ведь его бутербродом перекусить, а не тратить последние копейки на беляши. Ну, сука, кажется, я тебе устрою сегодня съемку!

Дворец культуры домостроительного ордена Ленина комбината находился на территории, так что нам пришлось еще минут десять бежать по холоду, пока, наконец, вдали не замаячил памятник самому В.И.Ленину — обязательный атрибут каждого уважающего себя предприятия. На

домостроительном комбинате Ильича сподобились вылепить по грудь. В заметке можно вернуть деталь: «біля самого погруддя Ілліча». Это внесет определенную задушевность, доверительность в репортаж. Если бы ответсек отвел места побольше, вообще можно было порассуждать, что летом здесь всегда полно народу, как бы в торжественные, волнующие моменты своей жизни труженики комбината собираются у памятника вождю мирового пролетариата. Вообще, хотя Ленину за свою жизнь не довелось побывать в Киеве, город свято чтит его память. Лучший памятник Киева на углу Крещатика и бульвара Шевченко, одна из центральных улиц, уникальный музей и т. д. Если материал на завтра не влезет, надо записать в памятную тетраточку, чтоб использовать 22 апреля, в ленинском номере.

— Опоздали, мать твою! Побежали, а то уйдут! А! А! Куда! Стой, блин! — заорал Петя.

Еще не сообразив до конца весь трагизм случившегося, мы бросились наперерез выходящей из дома культуры толпе.

— Стойте, гады, мать вашу! Все назад! Назад, я говорю! Назад!

Он орал так, я думал, с ним удар случится.

— Ну куда же вы?! Я должен кадр сделать! В газету! Козлы! Назад! Ты куда с флагом! Мне флаг нужен! И ты, мудака, с лозунгом! Назад! Для фона

надо! Куда?!

Испуганные люди, заслышав крики, останавливались, оглядывались, подходили к нам, многие думали, что-то стряслось, может, в давке кого смяли.

— Держи их, не отпускай! Собирай вокруг себя! Я — в зал!

Легко сказать: не отпускай. Люди, обрадовавшись быстрому окончанию мероприятия, бросились сразу же в столовку, в надежде перекусить, а ведь, казалось, обед из-за мероприятия накрылся. И вот теперь те, что стояли в проходах и сидели в задних рядах, быстро сориентировавшись, бросились на улицу, в столовку, что напротив дома культуры. Они же не виноваты, что пресса опоздала на вручение и завтра в газете не будет снимков — ни волнующего момента самого вручения прибывшим специально на домостроительный второго секретаря горкома партии Николаем Михайловичем Сербиным бессменному директору Краснощеку, делегату последнего партийного съезда, ни фотографии переполненного зала с высоко поднятыми лозунгами и транспарантами. Разве что сам приз, его снимок на размер газетной колонки, в крайнем случае, на две, можно поместить. Мертвый снимок, мертвый материал. Не выполнили задание редакции. И кто? Опять мы с Чекой. Вот уж будет о

чем на летучке поговорить.

— Ребята, вы откуда?

— Пресса, городская, нам на завтра надо фоторепортаж с вручения этого дать...

— А чего ж вы опоздали?

— Да пока добрались, на автобусе, сами знаете...

— Знаем, а как же, мы ведь сюда каждый день, на семь тридцать, итээр на восемь, правда, нам ли не знать?

— А это кто с тобой, горластый такой?

— Петр Чекал, фотокорреспондент.

— А ваша как фамилия?

— Сергей Христенко. Петя у нас в редакции уже лет двадцать, а я только-только, до этого два года в заводской многотиражке отрубил, на станкозаводе. — За нехитрым этим разговором я все же продвигался вперед, окружившие меня люди медленно, но пятились в зал.

— А нам еще долго так стоять? — спросила молодая девушка в шапочке бомбончиком, сверкнув в мою сторону глазами, мне показалось, в них икры шальные, в меня стрельнувшие. Эх, если бы времени побольше! Всегда так, на бегу, впопыхах, мимо таких возможностей проходишь.

— Сейчас Петр выйдет, может быть с начальством договорится...

А он уже орал что есть силы:

— Ну что же вы там торчите? Серега! Ексель-моксель! Гони всех в зал! Что ты сопли жуешь, да быстрее же! Я договорился с Михалычем, сейчас все повторят быстренько! Заходите, товарищи, пять минут. Быстрее начнем, быстрее кончим! Давай-давай!

Разговора Пети со вторым секретарем горкома я не слышал, так что врать не буду. Рабочие рассказывали, секретарь сначала шикнул на Петьку, чтобы тот на горло не брал. А когда узнал, в чем дело, — его возмущению предела не было.

— Да вы что, совсем оборзели? Как это — повторить вручение? В своем ли уме? Я речь говорил минут на десять, потом директор выступил, заверил, передовые рабочие, представители от молодежи, принимая переходящую эстафету трудовой славы и доблести...

— Да не надо мне речи ваши, Николай Михайлович! Я что их не слышал никогда?! Мне момент вручения и чтобы полный зал народу, с лозунгами, чтобы в газете утром карточки, чтоб все видели!

— Нет и еще раз нет. Мы с директором тебе что, пианино механическое? Посмешище какое — он не успел, так мы из-за тебя кино крутить назад должны, что люди подумают?

— Да не волнуйтесь вы за людей! Люди-люди! Они как раз все правильно подумают в

отличие от вас. Совсем от народа оторвался!

— Ты что, а ну дыхни! Уже выпил где-то, чушь такую несешь. Да я сейчас редактору твоему позвоню, Илье Ивановичу, распустили, понимаешь, как с секретарем горкома себя ведешь? Да тебя близко к газете подпускать нельзя на пушечный выстрел, ну ничего, приедем сейчас в горком, разберемся!

— Ой, только не надо. Не надо ля-ля, понял? — Петька уже наматывал ремень от кофра на руку. — Позвонит он! Не позорился бы лучше. Да еще при людях! Вот если я позвоню Ивану Терентьевичу (второму секретарю, страшно подумать, ЦК, которого Петька в свое время возил в Запорожье), да расскажу, как вы мне задание не дали выполнить, из-за вас никто в Киеве не увидит, как вручили знамя. И люди не виноваты, что вы такой гордый! — Петька орал так, что в зале дворца культуры давно уже стояла тишина. Люди, о которых все здесь так заботились, тихонько, стараясь не шуметь откидными деревянными стульями, садились на свои места. Те же, кто еще не успел подняться, с интересом куда большим, нежели полчаса назад выслушивали заранее написанные речи, следили за перепалкой на сцене.

Я уже к тому моменту вцепился мертвой хваткой в парторга:

— Пьесу мне дайте, обещаю, верну!

— Какую еще пьесу?

— Ну сценарий, кто выступал, кто открывал там...

— Да как я тебе дам, ты что, не слышишь, сейчас вон повторять все надо будет...

— Да только съемка, фото, а читать не надо второй раз...

— Подожди немного, пусть окончательно выяснится.

Самое интересное: люди из зала стали подавать голоса в защиту Петьки:

— Да пусть уж снимет второй раз, неужели жалко?

— На работе ведь человек, понимать надо.

— Что ж мы, зря здесь сидели, завтра в газете себя увидим...

То ли эти слова в нашу защиту, явно не запланированные, подействовали, то ли угроза немедленного звонка Ивану Терентьевичу, а такие прецеденты, когда Петька звонил всемогущественному покровителю, были, и второй секретарь не мог об этом не знать, — то ли еще что сработало, о чем мы не ведали, но Николай Михайлович позвал своего инструктора. Тот мигом сгонял в красный уголок за знаменем и призом. На сцене воцарился прежний порядок, лишние спустились в зал.

Вот он, волнующий момент рукопожатия,

вручения переходящей эстафеты.

— А где парторг? Парторг — бегом в президиум, на свое место! — увлеченно командовал Чека. — Так, на меня не смотри, вот так, снимаю! Кто там головой вертит? В зал смотри! Зал, чего вы сидите, как засватанные? Где аплодисменты? Вот так. Снимаю! Еще раз! А свет нельзя включить, темно совсем? Эх, знал бы, лампу с собой прихватил! Везти, правда, далеко! Еще раз, последний! Кто ушел из президиума? Ну сядь же на место, взрослые люди, а ведете себя, как дети. Кое-как... Внимание: снимаю!

Года два назад на даче, перебирая свой газетный архив (кому сейчас он нужен), наткнулся на старый, запыленный, пожелтевший альбом для школьного рисования. В такие толстые альбомы мы подклеивали вырезки своих материалов, напечатанные в газете. Так как из года в год все в принципе повторялось: конференции, праздники, субботники, даты, начало учебного года в системе политпроса, «архивы» здорово выручали. Ветераны конторы, например, мой заведующий, имел десятка три таких альбомов, прекрасно в них ориентировался, стоило заглянуть в какой-нибудь год, и становилось ясно, как освещать ту или иную идеологическую кампанию, сколько места уделять, какую автуру использовать, какие материалы давать вначале, какие — в конце, подводя итог

кампании.

В обнаруженном на чердаке альбоме, отыскал и тот свой репортаж с домокомбината. Найти его было легко, помогло то, что вместе с текстом были вырезаны, аккуратно подклеены фотографии Петра Чекала, три снимка — двухколонный: Николай Михайлович Сербин вручает приз директору ДСК; трехколонный — рукоплещущий зал с поднятыми над головой лозунгами и транспарантами, люди улыбаются, открыто, искренне, ин одну колонку — сам приз — «Эстафета» — высокая ваза в форме кубка. Хрустальная, надо сказать, жутко дефицитная по тем временам.

Фотографии, если честно, отвратительные. Темные, неконтрастные, будто съемка производилась в сарае, а не на одном из лучших предприятий города, борющихся за звание образцового. Все ведь в редакции прекрасно знали: не умеет наш Петька Чека фотографировать — и все! Поэтому-то фотокором и работает. Впрочем, все в редакции знали и другое: не было такого редакционного задания, которого он бы не выполнил. Да и «рука» у Петьки «мохнатая», покровитель — второй человек в республике. Ну как с ним бороться?

На фоне позорных и непрофессиональных снимков мой текст выгодно отличался, в чем можно легко убедиться. Материал звучал, как песня, и был

даже в числе отмеченных на летучке за оперативность. Кое-кто даже предлагал вывесить его на доску лучших материалов, но предложение не прошло. Отметили устно. И на том спасибо.

Забрав заветную красную папочку с «пьесой» и «открывачкой» (вступительной речью парторга), я кивнул Петьке, и мы стали пробираться к выходу.

— Падлы, жлобы сраные, — всю дорогу ругался, но уже не так громко, Петька. — Настроение испортили. Ты видел, сами обедать в комнату президиума закрылись, нас даже не пригласили. Ну ничего, я этому Николаю Михайловичу устрою. Откуда он, говоришь, пришел? С реле и автоматики? Ну и пускай катиться обратно, в горькоме ему не работать! Жлоб и больше никто. Видит, люди с мороза, устали. Налей рюмку, дай бутерброд с икрой, от тебя же не убудет, тем более, за счет комбината, на денежки рабочих. Ну подожди, я тебя умою!

— Петька, а у тебя ж бутерброд остался!

— Точно! Молодец, Серега, сейчас мы его побратски...

Конечно, на нас оглядывались. Ну и плевать. Уже полтретьего, а мы на одном беляше. И в редакции не перекусишь, сдавать материал в номер надо. А Петька — нормальный в принципе мужик. Зря я на него так обиделся, когда он беляш ел по дороге сюда. Голод — не тетка.

— Ты посмотри, Серега! — он помахал мне клочком бумажки. — Телефон той фифочки, что туда с нами ехала. Завтра, 12 нуль-нуль. Хорошо, что нашел, не забыл!

А вообще тот день можно считать удачным. И материал сдали вовремя, и деньги еще успели получить. За нас Светлана Петровна, секретарь редактора, расписалась. Когда от шефа выходили, он репортаж прочел и заслал в набор, она крикнула:

— Мальчики! Денежку свою получите!

Так что вечером, перед планеркой, мы с Юркой Конти еще на кофе сходили, в кафе-подворотню, что на Большой Житомирской. В честь зарплаты пили «каву з домішками» — по 50 г коньяку. Хотели даже повторить, да времени уже не было, надо бежать, на планерку, а то шеф не любит, когда опаздывают, мы лучше вечером, по-взрослому посидим.

2. «Говно не тонет...»

Конечно же, — челка. Поредевшим вороньим крылом падающая на глаза, лоб закрывает, досаждают, он привычно отмахивается, как от назойливой спутницы-прилипалы. Конечно же, — сигарета, но она несколько не мешает: «Старик, без дыма не могу!». И пепел, разбросанный повсюду. Он и в постели курит, и ходит с приклеенной к

тонким губам, и чувственные музыкальные пальцы с коричневыми мозолями от никотина. Худой и длинный, нос рубильником, такой тип, по моим наблюдениям, нравится определенной конституции женщинам, тем, что «в теле», их привлекает возможность вешаться на такие «крючки».

На первый дилетантский взгляд, Юрка все умеет и знает. Если же приглядеться, — на среднем уровне, понемногу. Бренчит на гитаре, водит конфискованный у бати инвалидный «Запорожец», всегда готов «пулю» записать, а то и в бридж на ночь сесть, ловит рыбу на спиннинг, строит дачу который год — плиты завез на участок, побросал, бурьяном заросли. После развода и раздела живет в однокомнатной «убитой» хазе в конце Саксаганского, в районе жэ-дэ вокзала. Не жлоб — ключ, если кто попросит, — всем дает, не отказывает. Да и вообще. Есть такие люди — ночью позвони, разбуди, скажи: лекарство дефицитное нужно, так он через час поедет по круглосуточным аптекам. Пайки для редакции, обслуживание обувью, шмотками. И что характерно: при этом для себя выгоды никакой. Если Петька Чека когда-то десять тонн арбузов привез, спекулировал своим же, взял в Мелитополе по копейке, а здесь еле продал по 15 за кг, Юрик до такого ни в жизнь не опустится! За это его в местном избрали и по общественной активности мне в пример часто

ставят. Прикинь, говорят, вы в редакцию в одно время пришли, а Юрика уже коллектив оценил и выдвинул, так что, давай и ты, подтягивайся. Правда, в последние два месяца таких разговоров что-то поубавилось — подбили бабки за год и выяснилось к всеобщему изумлению: Кантимиров ни одной заметки не опубликовал под своей фамилией. Зато перетрахал почти всех редакционных красавиц, они к нему в кабинет, как мухи на мед, слетаются. И то сказать: лучше Конти никто трепаться не умеет, пыль в глаза пускать и мозги компостировать.

Да и когда, скажите на милость, ему заметки писать? Наобещал всем — и то он может, и это достанет, нет проблем. За это и в профсоюз избрали, вот и приходится вместо работы правой рукой левое ухо доставать. Кто квартиру хочет разменять, от кого муж ушел, кому мебель купить, кому — икорки черной. Икорки, кстати, это мне. Доктор прописал сыну, малокровие, мол, черную икру надо съедать по чайной ложке в день. А где ее взять, да и за какие шиши? Пришлось к Конти обращаться, он ведь все может. По работе стараюсь с ним контактировать пореже, неприятностей не оберешься потом. Как номер праздничный готовить или подборку тематическую — всегда подвести может, не то что вовремя, — вообще материала не сдаст, ходи его потом ищи-свищи. Легче за него

сесть и сделать. «Напиши, старичок, я тебе гонорар отдам!»

Но икру достал. Столько времени на меня зря потратил! Да что ему время-то? Это для таких простофиль, как я, каждая минута на счету. А для Юрика — что час, что десять — какая разница. Он живет не по часам, как мы в газете, и даже не по календарю, как те, кто в журнале, работают, а как ему хочется, как получается. Чтобы пришел куда вовремя — не бывает никогда такого! Да он раньше одиннадцати утра не просыпается. И ложится правда, за полночь, все чифирит с друзьями, курят на тесной его кухоньке, триндят, главное, ни о чем. Я как-то пару раз с ними оставался — потом больной неделю ходил, совесть мучила за безделье. В бардаке и грязи сидит по уши и хоть бы что. Бутылки, объедки, крошки, колбасные обрезки, тараканы, посуды гора до потолка в раковине. А когда ее помоешь? Некогда. Бабец какой, если и останется на ночь, четь свет бежит домой или на работу, не до мытья вчерашних тарелок на полупьяную голову.

В банке с помощью старенького кипятильника (даже чайника у Конти нет!) закипает вода. Звонит телефон, первый сегодняшний зуммер. У Конти прекрасное настроение с утра, удалось поспать часа четыре, выпили вечером не так чтобы много, нормалек, в самый раз, голова даже не болит. Он

прижимает трубку к уху, выключает кипятильник, стряхивает пепел, по ходу разговора сыплет из пачки чай, заваривает. Банку накрывает тетрадным листом со вчерашней пулей. Звонит знакомый художник, только что тоже, видать, проснувшийся. Интересуется, сможет ли Юрка сегодня ему подсобить перевезти в мастерскую кое-какие книги с бабиной хаты. У Юрки — старый «Запорожец»-развалюха, батин, полковника в отставке, участника ВОВ, он на нем ездит!

— Ты понимаешь, старичок, в первой половине ну никак не получается (еще бы, уже почти полдень!). Я и так в редакцию опаздываю, там сегодня собрание, потом одна встреча, материал надо дописать (все сроки вышли, на собрании выговор обеспечен), давай часиков в пять-шесть. Ты возле «сладкого» будешь (гастроном на Львовской площади, Юрка там раз пять на дню кофеек пьет)? Ну, там и встретимся. Раньше? Боюсь подвести. Сегодня никак не получается. Может, завтра? Ты занят... М-да. Ну, лады, давай созваниваться. Когда дома буду? Да к часам десяти. Нет, ты звони, я спать долго не ложусь, ты знаешь. Ну, ладушки, пока, будь здоров!

И что интересно: есть же дураки, которые верят, рассчитывают на Конти. Первые глотки чая. Первая сигарета, первая затяжка. Звонок.

— Але... Вита, привет, где пропадаю? Да я

только домой заскочил. Где был? Дежурил всю ночь в типографии, официоз шел, ты что, не знаешь, пленум ЦК КПСС в Москве, все газеты держали из-за речи генерального. Почему не позвонил? Да неоткуда было. Да что ты, какие барышни, я еле на ногах стою от усталости. Чем собираюсь заниматься? Сейчас бегу на работу. Подъедешь? Ну, подъезжай. Только в часиков пять перезвони, чтобы застала. Да нет, раньше у нас собрание, отчетно-выборное, профсоюзное. Ну и что, что в рабочее время? Почему мне-то знать. Я не сбегаю? Ну, позвони в пять, чао!

Бабы, я уже говорил, его обожают. Редакционное начальство Юрика зовет пастухом. «Всех их пасет, как евнух!» — сам слышал, Илья Иванович кулаком грозил. Начальству на работе романы крутить запрещено, и оно зверело, когда Конти уединился с какой-нибудь редакционной красавицей. Сначала думали — он их трахает всех. Потом выяснилось: ни хрена подобного, так, кофе пьют, сплетничают, они ему свою бредятину на уши вешают. В глазах начальства это самое последнее дело, лучше бы трахались, а так лясы бесцельно точат, ни фиги не делают, ерундой в рабочее время занимаются. Так и появилось презрительное «евнух. И каким бы репрессиям не подвергалди на планерках эти посиделки у Конти, то одна, то другая барышни, а то и трое

просачивались в его клетушку. Дым даже в коридоре коромыслом стоял, и запах пережаренного кофе, как в кафетерии. Да бабы-то без этого не могут, им бы только выговориться, чтобы кто-то их послушал. Наши, по крайней мере, редакционные, очень дорожили вниманием Конти. Вообще непонятно, как они жили до того, как его встретили. Честно говорю, иногда завидки хватали. Со мной никогда никто из баб душу не изливал. Да и бесполезно, я ведь обещаю только то, что могу. И сидеть два часа, выслушивать их трахомудию не буду. И говорить, как этот златоуст, не умею. Он как выступает, девки слушают с открытым ртом. Слух распустили, Конти обладает экстрасенсорной способностью, успокаивающе действовал, снимал им стрессы. Умора! Илья Иванович прав: лучше бы он им плавки снимал. Но в том-то и дело, что Конти для себя никакой выгоды не извлекает. Хотя, я так думаю, заикнись он, любая бы согласилась у него на кухне посуду мыть, был же у него роман с одной корректоршей, та даже мужа бросила, в Одессу на поезде ездили. Но это так, эпизод, единичный случай. Причина — в лени и неорганизованности Конти, ему даже бабу для себя снять — и то неохота. Так уж, если очень настаивали, Конти с ленцой соглашался. А чтобы специально — увольте! Но как раз именно из-за того, что он не шибко хотел и внимания не обращал, девкам его

еще пуще хотелось, и они липли и липли.

Точно так же, как он расхлябанно жил, так неорганизованно и работал. Впрочем, теперь, когда многое прояснилось, я думаю, что он специально относился ко всему, спустя рукава. Сейчас определенно выяснилось: Конти просто-напросто не умел писать заметок, и все годы дурачил контору. И профсоюзные поручения, поездки на другой конец города по первому зову, бесконечные выколачивания дефицитов, пайков, продовольственных наборов и т. д., и т. п. как раз и служили ширмой, за которой скрывалось неумение Конти писать в газету. Какие предлоги не использовали только, чтобы подальше убежать от письменного стола. Причем, что интересно: когда речь шла о выборе темы, сборе материала, встреч с людьми, — здесь Конти, если располагал свободным временем, никогда не отказывался. Но вот стороны выслушаны, документы собраны, проговорена в курилке концепция материала, — садись и пиши! Делов-то на один вечер. Но вот именно этот последний удар, заключительный аккорд, ему-то как раз не удавался. Как человек, не научившийся в детстве плавать, скрывает свой недостаток от окружающих, прибегая к различным уловкам, так Юрик бегал от коллег и письменного стола, готов был заниматься чем угодно, доставить что угодно, лишь бы только его не уличили в

неумении писать — самый страшный грех для журналиста. И то сказать: в любой редакции есть люди, которым не дано от Бога таланта к написанию статей. Ну и что? Они мирно уживаются в коллективе, выполняя другую работу. И никому в голову не приходит с них скалить зубы или подтрунивать. И они, конечно же, журналистами себя не считают. Вот в чем корень: Юрик Конти всегда числил в душе себя таким же журналистом, как мы все. Он стремился быть может даже лучше, чем мы. И самое главное — хотел, чтобы в коллективе его за такового принимали. И уж во всяком случае никогда бы не признался, что не умеет писать. Иначе ему бы быстро, как у нас в конторе говорили, набили бы руку. Несколько раз предлагали ребята: давай первичные материалы, мы тебе в темпе заметку сварганим. — «Да я уже написал давно, — отвечал он. — Осталось чуть-чуть подправить, завтра Инге сдаю».

Его заведующая, старая дева Инга Митрофановна, была женщиной героической, больше года терпела Юрку, не жаловалась начальству. Да и с какой стати: Конти часто ее выручал, если надо было картошки на зиму завезти, яблок там, того, другого. Когда Инга закипала всерьез, казалось, еще немного, и она не выдержит, взорвется как проколотый булавкой воздушный шарик, Юрик Кантимиров невозмутимо появлялся в

дверях кабинета шефине с чайником, заваркой свежайшей и сахарком, сигарета на нижней губе (заведующая не переносила табачного дыма) и предлагал святым и невинным голосом:

— Инга Митрофановна, хотите чайку? У меня и галеты чешские есть, хрустящие...

Сердиться на Конти больше пяти минут никто в конторе не мог.

Первая гроза грянула, когда через год работы профком редакции подвел итоги социалистического соревнования. Оно заключалось в выведении процентного соотношения по количеству опубликованных строчек — между авторскими напечатанными материалами (т. е. «чужими», которые ты подготовил к печати) и собственными, за твоей подписью. Причем, как и сразу после революции 1917 г., так и вплоть до путча 1991 года, действовал один из так называемых ленинских принципов советской печати: процент авторских статей должен быть не менее 60. Ничего подобного Ленин не говорил, он указывал, что на сотню и тысячу беспартийных литераторов со стороны, должен приходиться один профессиональный газетчик. Вся советская журналистика держалась на принципе 60:40 — это была святыня. И редакционный гонорар распределялся по такому же соотношению. Нарушение основополагающего постулата каралось нещадно. Так вот, подводя

итоги за год, профсоюзные активисты выяснили, что в графе «свои материалы» у Юрика был ноль. То есть, за год корреспондент отдела писем Кантимиров не опубликовал ни одной за метки за своей подписью.

И это при том, что серьезных замечаний к Конти у заведующей отделом не было. Да и редакторат не высказывал претензий. Юрик всегда на виду, мелькает то здесь, то там, участвует во всех редакционных мероприятиях, выступает на собраниях, слывет общественным активистом и даже состоит в списке редакционного резерва, поступающих в КПСС. Этот список передавался в райком, в первую очередь в партию принимали рабочих и крестьян. Журналисты в нашем «интеллигентном» Шевченковском районе пребывали на 26 месте, так что надо было в каждом квартале принять 26 человек, и чтоб каждый четвертый был рабочим, а затем уже — одного «интеллигента» вшивого, а их-то в районе было как собак нерезаных, так что сам Конти когда-то подсчитал, чтобы стать коммунистом, ему понадобилось бы 30 кварталов, т. е. 10 лет. И то, если без блата кто-то не проскочит. При этом он не учитывал (откуда мог знать?), что через десять лет с этого роя не выйдет ничего — не пройдет уже по другой причине — по возрасту.

Но в списке все же числился! И претензий к

нему особых не было. Вдруг — бац! Ни одного материала. Когда-то, рассказывали, корреспондент «Известий» в вырезатель попал, сообщили в редакцию, так там посчитали — ошибка вышла, не наш. Восемь лет человек не печатался, его и не знал никто. Так это в «Известиях», где 1300 одних только журналистов. А у нас в конторе — всего ничего, 50 человек на круг...

За год, оказывается, умудрился человек ничего не написать! А получил, между тем, зарплату! Ну и не беда, что без гонорара. Для него же выгоднее. Ведь Конти — злостный алиментщик, так с малой суммы, то есть, своей ставки (110 рэ), он и выплачивал бывшей своей ненаглядной ее минимум; напрасно Инга Митрофановна доказывала, что у Конти «много авторских», т. е. подготовленных заметок. Во-первых, это не могло служить оправданием, во-вторых, как выяснилось, даже по авторским он находился на предпоследнем месте в конторе.

Редколлегия заседала непривычно долго, наконец, огласили решение: Инге — выговор по админлинии за упущение в руководстве отделом, Юрку — уволить с должности корреспондента отдела писем и массовой работы, перевести в выпускающие редакции. Отдел (то бишь, Ингу) заслушать с отчетом на партсобрании в марте месяце. Ответственным за исполнение и контроль